

18

НОВАЯ ГАЗЕТА
№ 43 (463)
27 октября — 2 ноября 1997 г.

31 октября Анатолию Папанову
исполнилось бы 75 лет

Волк, мы тебя слышим

Он блистательно играл беспомощность зла

У него была внешность гоголевского Городничего и душа чеховского интеллигента. Солдафонский ежик волос, большой рот, зубастый — того гляди скажет в странной своей манере, западая на гласных: «Это чтобы съесть тебя, Красная Шапочка!» Но вместо этого на все лады: «Ну, заец!..» — беззлобное, хоть с угрозой, беззубое, хоть с ощеренной пастью

НАШИ ДАТЫ

Папанов вообще в так называемых отрицательных ролях играл беспомощность зла. Его заставляли грубо «комиковать» в какой-нибудь «Бриллиантовой руке», а он играл пародию на зло, когда в решительный момент загнанный в угол им — большим, неуклюжим — партнер всегда мог сказать: «У вас ус отклеился». И чары злые тут же рассеивались. Смешно до колик, и больше ничего.

Его интеллигентность в сочетании с фельдфебельской внешностью давала советским режиссерам возможность эксплуатировать типаж в ролях бесконечных положительных рабочих или водителей такси — душевных, туповатых и домовитых.

Плохие режиссеры эксплуатировали фактуру, хорошие — тему. Когда А. Столпер назначил Папанова на роль генерала Серпилина в симоновских «Живых и мертвых», все недоумевали. Смелее поступил только А. Герман с Никулиным. Как это: комик — и генерал Красной Армии? Клоун — и военный корреспондент? Папанов сыграл великую роль в невеликой литературе. Он сыграл муку и вину — свою, личную, интеллигентскую и одновременно вину за бездарность государства, за трусость, страшно сказать, Главнокомандующего, скрывшегося в кремлевском бункере и бросившего гигантский кус солдатского мяса в ненасытную пасть вермахта, под бомбы люфтваффе, под колеса моторизованных частей. Серпилин не мог выжить в сталинской мясорубке, Симонов польстил Сталину, сочинив такого генерала, не расстрелянного к началу войны, но Папанов воспользовался этим на все сто.

Андрей Смирнов в «Белорусском вокзале», как сказали бы теперь, «раскрутил» папановскую тему. Герой Папанова — лихой фронтовик и насмерть перепуганный «гражданкой» бухгалтер, который чит БУП (Боевой устав пехоты) как библию, но робеет перед начальником, хотя тот сам мямля хороший. Папановский победоносный мальчишеский финт, кунштюк, когда он встречается с начальником не в кабинете, а в автобусе, перемазанный, счастливый, с бутылками в авоське и, главное, с друзьями, которые защитят и с которыми он сам смел, силен, — это нечто непревзойденное по мастерству и импровизации.

Но впереди сцена, которую невозможно смотреть, которая разрывает сердце подлинностью, сколько бы «Белорусский вокзал» ни показывали к очередной годовщине Победы, — сцена, где поют Окуджавское «Нас ждет огонь смертельный». И все ж бесилен он, особенно сегодня, когда мы знаем, насколько он бесилен над Глазыриным, над великим Леоновым, над Папановым, над самим Окуджавой...

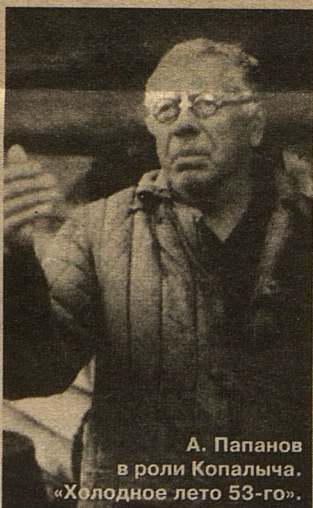
Папанов — большой, ушастый, губастый — как-то даже страшен там своей детскостью. Он и плачет горше других, и в плечо друга утыкается так, словно лучше остальных мужиков чувствует, что один за другим они скоро уйдут не из кадра (в кадре-то они останутся, пока пленка не истлеет), уйдут вообще.

И ясно, что не за себя плачет. Так безутешны дети, в первый раз понявшие, что мамы с папой когда-то не будет. Так человек поднимается над собой, плача о других. И так бывает не только на войне. Все это и многое-многое невыразимое играет он — да уместно ли тут это слово? — или только оно и умест-

но? — в крошечном эпизоде, в едва ли не лучшей своей роли Дубинушки.

Он великолепен и тонок и в «Берегись автомобиля», где они с Мироновым начали свой поединок, продолженный в «Бриллиантовой руке», — поединок пижона и скорохвата с основательным куркулем. Сегодня Миронов в каком-нибудь фарсе о «новых русских» стерег бы не «Волгу», а «вольвушку» или «мерина», как они зовут «Мерседес», а Папанов своего куркуля непременно бы вывел на отвратительно режиссированный анпиловский митинг под красным знаменем, прикрывающим зарытую в огороде кубышку.

Но Папанов завершил свой путь ролью не куркуля, а члена похоронной лагерной команды в картине «Холодное лето 53-го». В картине дешевая триллерность, которая не помешала Папанову сыграть великую роль, как не мешал ему ни один из киноконъюнктуристов. Копалыч — Дубинушка в еще более безнадежных обстоятельствах.

А. Папанов
в роли Копалыча.
«Холодное лето 53-го».

Не просто интеллигентское, человеческое, кажется, вынуждено, выбито, выморено голодом и морозом из этого лагерного придурка. Он и свободе-то не видит повода радоваться: идти некуда, та жизнь еще страшнее этой. И новой ловушке в лице блатарей не удивляется: а как же может быть иначе с ним, с Копалычем?

Папанов играет уже не интеллигента-самоеда, а интеллигента, съеденного собой и режимом, с которым он однажды согласился: жить-то надо, — за что снова казнил себя, пока не стал могильщиком, не шекспировским, не марксистским, своим собственным. Кто в лагере помирал первым? Ясно — интеллигент, Иван Иванович по-блатному. И хоронил его свой брат, только еще пониже опустившийся в лагерной иерархии. Когда Папанов называет Приемыхову свое «мирское» имя, видно, как ему физически это трудно. Приемыхов закапывает Копалыча, хоронит чеховское, ничемное, потому что в этом мире действует только ветхозаветное или блатное: «око за око» или «умри ты сегодня, а я завтра».

Так и ушел великий артист, предсказав конец чеховского интеллигента, конец Дон Кихота. Вот и лавируем мы между «вольвушкой» и «мерином», между триллером и «ужасиком». И совсем другие волки, страшные и цепкие, стреляют в зайца без разговоров, от живота веером. И совершенно иным смыслом наполняется папановский зов: «За-а-е-ц! Ты меня слышишь?»

● Марина КУДИМОВА